

ББК 65.9(2)-1

УДК 338.92

Ф 152

Ф 152 **Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию** / под ред. З.И. Калугиной. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2015. – 264 с.

ISBN 978-5-89665-289-2

Научный редактор: д.с.н., профессор З.И. Калугина

В монографии представлены результаты многолетних эмпирических исследований в разных регионах России, обобщённых в виде авторской концепции формирования и трансформации сельских хозяйственных укладов. Особый акцент сделан на роли последних в самоорганизации сельских сообществ в период постсоветских аграрных реформ. Исследуются процессы разрушения старых и появления новых форм организации хозяйственной жизни, обеспечивающих устойчивость локальных сельских сообществ в условиях разнообразных внешних вызовов. Рассмотрен генезис подходов к пониманию механизмов устойчивого сельского развития. Формулируются принципы государственной аграрной политики, дифференцированной с учётом особенностей многоукладных хозяйственных систем.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: социологов, экономистов, историков, учёных-аграрников, специалистов-практиков, студентов и аспирантов, специализирующихся в области сельской социологии, а также всех тех, кому небезразлично прошлое, настоящее и будущее российской деревни.

ISBN 978-5-89665-289-2

© ИЭОПП СО РАН, 2015 г.

© Фадеева О.П., 2015 г.

Глава 1. МНОГОУКЛАДНОСТЬ РОССИЙСКОГО СЕЛА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Концепция многоукладности в социальном и экономическом контекстах: исследовательские подходы

Общепризнанным результатом аграрных реформ 1990-х годов в России является формирование многоукладной сельской экономики. Вместе с тем многие исследователи, говоря о многоукладности, не конкретизируют само понятие «уклад» и, как правило, подразумевают отличительные особенности хозяйствующих субъектов. С этих позиций принято выделять уклад или сектор крупных и средних сельскохозяйственных организаций (часто в публикациях их называют коллективными предприятиями, подчёркивая их историческое происхождение от колхозов и совхозов), уклад (сектор) фермерских хозяйств и уклад (сектор) хозяйств населения. Другой часто встречающийся подход связан с пониманием уклада как разных систем производственных отношений, в основе которых лежат разные формы собственности и организационно-правовые формы предприятий¹.

На наш взгляд, такое представление укладов малопродуктивно с социологической точки зрения, так как не фиксирует базовых различий в поведении субъектов, включённых в разные формы ведения хозяйства. Один хозяйственный уклад может отличаться от другого специфической логикой и совокупностью способов хозяйствования, применяемыми технико-технологическими способами производства, организацией и режимом труда, мотивацией и ценностными предпочтениями руководителей и исполните-

¹ Именно таким образом поступает И. Шевченко, предлагая собственное определение фермерского хозяйственного уклада: «Мы используем более узкое толкование уклада как системы производственных отношений, связанных с собственностью и типами предприятий. В нашей работе рассматривается прежде всего *частно-предпринимательский* или, применительно к отрасли, – фермерский хозяйственный уклад. *Фермерский хозяйственный уклад – совокупность правовых, экономических, социальных, бытовых, семейных отношений, основанных на личной ответственности и хозяйственном отношении к средствам производства, главным из которых является земля*» [Шевченко, 2002].

лей, а также формами собственности на средства производства и результат труда.

Согласно словарю С.И. Ожегова, под укладом понимается «устоявшийся порядок (упорядоченность жизни), сложившееся устройство жизни». Синонимы слова «уклад» – строение, строй, устройство; обиход, нрав, уклад жизни, быт, режим, порядок. Исходя из этого, можно говорить об исторически сложившихся, устойчивых и упорядоченных формах жизни, в том числе и в аграрной сфере.

В исторической и экономической литературе понятие «уклад» имеет разные толкования. Первоначально этот термин использовался для описания жизни на микроуровне. Одними из первых в научный оборот понятие «уклад» ввели, но не дали определения, представители народнического движения XIX века для обозначения специфичности хозяйственного быта российских крестьян и крестьянской общины [Сычев, 1999, с. 6]. А. Куракин обращает внимание на то, что термин «уклад» имеет сугубо российское происхождение и не имеет аналогов в англоязычной литературе. Приближением к нему автор называет такие категории, как *life style*, *local order*, *габитус* [Куракин, 2003, с. 81–104].

Благодаря работам В.И. Ленина термин «уклад» вошёл в понятийный аппарат марксистской политической экономии. Ленин использовал эту категорию для отражения сосуществования разных экономических порядков в рамках одной страны и описания реального экономического разнообразия [Куракин, 2009, с. 42]. Ленинская классификация укладов включала патриархальный уклад (состоящий из натурального крестьянского, а также кочевого или полукочевого хозяйств); мелкотоварный уклад (предполагающий, помимо самообеспечения, работу и на рынок); капиталистический уклад (базирующийся на частных капиталах и рыночном регулировании); государственный капитализм и социализм. Следует отметить, что ленинский подход подразумевал также разделение укладов с точки зрения их прогрессивности и, соответственно, места в будущем. На этом основании им выделялись устаревшие, устаревающие и перспективные хозяйственные формы. В нашем исследовании мы не намерены оценивать хозяйственные уклады с позиции их исторического потенциала. Наша задача – идентифицировать многоукладную структуру как хозяй-

ственную систему, существующую в рамках локального территориального сообщества; оценить её особенности, установить экономические и социальные взаимодействия между разными укладами.

В настоящее время термин «уклад» получил широкое распространение не только для анализа экономической жизни, но и для характеристики социальных, культурных, этнических и территориально-пространственных различий. Область его применения столь обширна, что говорить о единой трактовке этого понятия не приходится. Подробный обзор основ и политико-экономического содержания уклада и многоукладности в исторической перспективе представлен в коллективной монографии «Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы», выпущенной сотрудниками Института экономики РАН в 2009 г.

Российская многоукладность, по мнению авторов этой монографии, обусловлена разнообразием территорий и географическо-климатических особенностей, национальных культур, условий производства, жизнедеятельности и форм жизнеустройства, необходимостью реализации интересов разных социальных групп с помощью доступных им ресурсов и практик хозяйствования¹. В связи с этим классификация укладов может иметь различные основания и способы выделения. Так, в упомянутой выше монографии рассматриваются *общие «внеисторические» (базовые) уклады*: рыночный/нерыночный; городской/сельский; государственный, семейный, предпринимательский. Выделяются *уклады конкретных исторических периодов*: кооперативный, муниципальный, олигархический, неформальный, диаспорный [Кузнецова, Никифоров, 2009а, с. 70–71].

На наш взгляд, можно выделить два принципиально различных подхода к определению укладов, условно обозначив их как

¹ Заметим, что многие авторы рассматривают многоукладность как одну из важнейших характеристик стран третьего мира, увеличивающую устойчивость общественной системы в периоды трансформаций и кризисов [Левковский, 2001, с. 13]. Подобное разнообразие и вариативность как фактор успешной адаптации в случае изменений внешних условий очень важны для организационных структур, обучающихся и перестраивающихся в зависимости от институциональных или конъюнктурных преобразований [Старк, 2002, с. 47–95].

системный (структурный) и институциональный (поведенческий).

В первом случае речь идёт о *целостной и воспроизводимой системе отношений*, включающей внутренние производственные, социальные, культурные, политические, бытовые, национальные, территориальные и другие связи. Эта система охватывает определённую часть социальной структуры и отличается совокупностью характерных только для неё черт жизнеустройства и жизнеобеспечения. Уклад взаимодействует с внешней средой, адаптируется к её условиям и требованиям [Кузнецова, Никифоров, 2009b, с. 18]. Тем самым эта система формирует, организует своего рода *структуру отношений* определённых социальных групп, которые олицетворяют тот или иной уклад. В контексте системы экономических отношений Т.Е. Кузнецова и Л.В. Никифоров дают определение, в котором уклад означает «комплексные характеристики определённых социально-экономических взаимосвязей, характеризующих, а иногда и объединяющих определённые социальные группы населения по какому-либо одному или нескольким экономическим признакам» [Кузнецова, Никифоров, 2009b, с. 12–13].

В рамках этого подхода основаниями для выделения экономических (хозяйственных) укладов могут выступать формы собственности; способы хозяйствования (например, доминирующий тип экономического оборота – рыночный/нерыночный; денежный /натуральный / бартерный и пр.), характер труда [Кузнецова, Никифоров, 2009b, с. 15]. Характер труда, в свою очередь, может быть рассмотрен в контексте его организации в соответствии с уровнем развития производительных сил (или в соответствии с технологическим укладом, т.е. уровнем технико-технологического состояния предприятия) и особенностями производства. Следуя этой логике, особенностью сельскохозяйственного труда можно считать работу с живыми «природными» организмами, регламентирующими порядок и интенсивность работы в разные временные периоды, а также возможности преобразования воздействия природно-климатического фактора с помощью применяемых технологий.

Второй подход к определению «уклада» акцентирует внимание на поведенческом и институциональном аспектах. Уклад рас-

сма­три­ва­ет­ся как *про­яв­ле­ние раз­лич­ных по­ве­ден­че­ских прак­тик* и может быть за­фик­си­ро­ван в оп­ре­де­лён­ном ус­той­чи­вом ти­пе вза­им­дей­ст­вий и об­ра­зе жи­зни со­ци­аль­ных груп­п. В э­том смы­сле уклад спо­со­бен из­ме­нять­ся во вре­ме­ни и про­стран­стве, сле­дуя за транс­фор­ма­цией внеш­них ус­ло­вий, тех­но­ло­гий про­из­вод­ства, э­ко­но­ми­че­ских и со­ци­аль­ных от­но­ше­ний, а так­же спо­со­бов их вос­при­я­тия ин­ди­ви­ду­ми. Фи­ло­соф А. Аш­ке­ров при­во­дит сле­ду­ю­щее оп­ре­де­ле­ние: «Уклад об­щес­твен­ный – это ис­то­ри­че­ское со­сто­я­ние со­ци­аль­ных от­но­ше­ний, за­фик­си­ро­ван­ное в ин­сти­ту­тах раз­лич­ных об­щес­тв и на­ше­д­шее воп­ло­ще­ние в прак­ти­ках дей­ст­вую­щих субъ­ек­тов» [Аш­ке­ров, 2010]. С э­ти­х по­зи­ций хозяй­ст­вен­ный уклад можно рас­сма­три­вать как си­сте­му ис­то­ри­че­ски сло­жив­ших­ся ин­сти­ту­тов хозяй­ст­вен­ной сфе­ры или ин­сти­ту­ци­о­наль­ную струк­ту­ру, в рам­ках ко­то­рых дей­ст­вуют э­ко­но­ми­че­ские аген­ты [Ку­ра­кин, 2009, с. 49].

Через ана­лиз фор­маль­ных и не­фор­маль­ных пра­вил, прин­ци­пов, ме­ха­низ­мов вза­им­дей­ст­вия раз­лич­ных аген­тов по по­во­ду ор­га­ни­за­ции про­из­вод­ст­вен­но­го про­цес­са, при­сво­е­ния и ис­поль­зо­ва­ния го­то­вой про­дук­ции можно оп­ре­де­лить ре­аль­ные гра­ни­цы и со­дер­жа­тель­ное на­пол­не­ние хозяй­ст­вен­ных укладов (си­но­ни­ма­ми ко­то­рых могут быть «э­ко­но­ми­че­ская си­сте­ма», «э­ко­но­ми­че­ский по­ря­док», «э­ко­но­ми­че­ская мо­дель»), вы­явить раз­ли­чия и вза­им­связи ме­жду ни­ми. С э­той точ­ки зре­ния ин­сти­ту­ци­о­наль­ный (по­ве­ден­че­ский) под­ход к оп­ре­де­ле­нию укладов пред­став­ля­ет­ся наи­бо­лее под­хо­дя­щим для на­ше­го ис­сле­до­ва­ния, по­сколь­ку он соз­да­ёт ес­тес­твен­ное ос­но­ва­ние для пе­ре­хо­да от не­по­сред­ст­вен­но на­блю­да­е­мых ис­сле­до­ва­те­лем част­ных хозяй­ст­вен­ных прак­тик к об­об­ще­ния­м, по­зво­ля­ю­щим иден­ти­фи­ци­ро­вать уклады в изу­ча­е­мых сель­ских со­об­щес­твах.

Сле­ду­ет от­ме­тить, что в ос­но­ве рас­смот­рен­ных вы­ше кон­цеп­ций мно­го­уклад­но­сти ле­жит пред­став­ле­ние о воз­мож­но­сти еди­но­вре­мен­но­го сосу­ще­ст­во­ва­ния раз­ных хозяй­ст­вен­ных си­сте­м в еди­ном э­ко­но­ми­че­ском про­стран­стве. Од­ним из пер­вых вни­ма­ние на это об­ра­тил М. Ве­бер, рас­смот­рев­ший ис­то­ри­че­ское раз­ви­тие хозяй­ст­вен­ных си­сте­м и эта­пы ра­ци­о­на­ли­за­ции э­ко­но­ми­че­ской жи­зни. Станов­ле­ние со­вре­мен­ных ка­пи­та­ли­стиче­ских об­щес­тв он изу­чал, кон­ст­руи­руя иде­аль­ные ти­пы пред­шес­т­вую­щих укладов, пред­став­ляя их в ви­де со­че­та­ний раз­ных эле­мен­тов

(матриц) с тем, чтобы определить трансформации и новые комбинации этих элементов в последующих хозяйственных системах. По его мнению, «все «хозяйственные» процессы и объекты обретают свою специфику как цель, средство, препятствие, побочный результат лишь благодаря смыслу, который им придаёт человеческое действие» [Вебер, 2004, с. 60].

Способы придания «осмысленности» хозяйственному действию определяются характером мотивации хозяйственных действий, которые могут видоизменяться от традиционных, испытанных многими поколениями практик выживания и удовлетворения потребительских нужд, поддержания целостности сообщества до «рыночной» нацеленности на получение выгоды и извлечение прибыли. Именно Вебер заложил представление о множественной рациональности или логике действия, которая отражает разные мотивационные структуры поведения, в том числе хозяйственного. В известной веберовской классификации выделяется четыре идеальных типа социального действия – целерациональное, традиционное, ценностно-рациональное и аффективное, – различающихся по способу мотивации и эмоциональному состоянию индивида [Вебер, 1990, с. 602–643].

Чтобы действовать рационально, индивид вынужден учитывать возможную реакцию на свои действия со стороны других индивидов, имеющиеся в его распоряжении ресурсы и специфические для данного конкретного сообщества социальные условия, представления, традиции, нормы. То, что выглядит рациональным и естественным в одной среде, в другом месте и при других обстоятельствах может выглядеть чужеродным. Принятие значимости исторического и культурного контекстов обуславливает признание не одного, а целого множества способов рациональности, которые лежат в основе устоявшихся хозяйственных действий.

Вебер разделял формальный (инструментальный) и субстантивный (содержательный) виды рациональностей. Формальная рациональность ориентирована на максимизацию полезности в условиях ограниченных ресурсов, и, следовательно, может быть измерена количественно. В основе субстантивной (или содержательной) рациональности лежит представление, что индивид в своей экономической деятельности может ориентироваться на значимые для него нематериальные ценности, такие как, напри-

мер, лояльность к семье, сообществу или святость традиций и верований. Обобщая, можно сказать, что в основе субстантивных экономических мотивов лежат не столько страх голода или прагматический расчёт, сколько моральные принципы, соображения престижа, желание публичного признания и сохранения личной репутации, а также сила традиции, которая зачастую исключает проблему выбора и возможность большей эффективности.

Схожие взгляды на экономическое устройство в контексте социальной укоренённости¹ высказывал известный историк и антрополог К. Поланьи. В работе «Экономика как институционально оформленный процесс» [Поланьи, 2004] он отмечает возможность сосуществования в одном обществе разных укладов, экономических зон, основанных на разных принципах хозяйствования. Доминирование капитализма в рамках одной системы не отрицает наличия иных форм хозяйствования, в основе которых не заложены принципы экономической эффективности.

Поланьи, вслед за Вебером, подчёркивал двузначность термина «экономический», имеющего формальный и содержательный (субстанциональный) смыслы [Поланьи, 1999]. В первом случае речь идёт о «формальном», рационально-логичном выборе соотношения целей и средств с позиций эффективности. Во втором случае содержательная суть экономической (хозяйственной) деятельности связана с добычей средств к существованию во взаимодействии с природой и социальным окружением. Здесь нет проблемы выбора и ограниченности ресурсов, так как члены сообщества, ориентированного на выживание, не преследуют индивидуальную выгоду и не участвуют в жёсткой конкурентной борьбе. При этом, как считал Поланьи, «рыночная природа» человека далеко не абсолютна, торжество человечности как противовес стяжательству и наживе возможно даже в царстве жёстких

¹ Возвращение интереса к вопросам социальной укоренённости экономических и других действий в наши дни произошло благодаря публикации в 1985 г. статьи М. Грановеттера «Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости», которую многие ученые рассматривают в качестве программного заявления, с которого начинается эра «новой экономической социологии» [Грановеттер, 2004]. Автор показал, что поведение и институты в серьёзной степени ограничены структурами (или «сетью») конкретных межличностных отношений, играющих особую роль в производстве доверия и сдерживании оппортунизма и мошенничества.

капиталистических принципов. В традиционных обществах человек вёл хозяйство, преследуя социальные цели, сохраняя сложившееся социальное положение и социальное имущество (статус, уважение, подчинение традиции). В этом смысле хозяйственная деятельность определялась неэкономическими мотивами, а тех индивидов, кто использовал социальные связи исключительно в собственных «рациональных» интересах, местное сообщество, как правило, отторгало. Социальные обязательства, лежащие в основе родственных и соседских взаимодействий, с необходимостью должны были иметь взаимный и долгосрочный характер.

Идеи Поланьи современный американский социолог и антрополог Дж. Скотт верифицировал на примере анализа сельских сообществ Юго-Восточной Азии в середине 20 века, жизнь которых проходила на грани выживания и продовольственных кризисов. Вслед за английским историком Э. Томпсоном, который занимался изучением «моральной экономии» бедноты в средневековой Англии как совокупности представлений о традиционных социальных нормах, хозяйственных функциях, долге и особых обязанностях производителей, торговцев, правителей, нарушение которых порождало народные бунты и волнения [Томпсон, 1996], Скотт разработал концепцию «моральной экономики крестьянства» как этики выживания и отношения с внешними элитами. Его концепция объединяла технические, моральные и социальные приёмы¹, выработанные крестьянством для минимизации риска голода и безопасного существования. основополагающий принцип этики выживания – «незыблемое право на жизнь для всех», в том числе ценой утраты отдельными индивидами самостоятельного статуса. Эта же позиция в определении «границ выживания» доминировала в представлениях крестьян об экономической справедливости и пределах эксплуатации их труда со стороны власть имущих [Скотт, 1992а]. Скотт показал, что в основе подобных приспособительных приёмов и хозяйственных действий лежал не альтруизм, а жизненная необходимость как для терпящих нужду крестьян, так и для землевладельцев, ограниченных в

¹ К числу таких приёмов Скотт относил взаимопомощь; вынужденную щедрость зажиточных крестьян в отношении бедных; институт общинной земли; безусловный патернализм землевладельцев и государства по отношению к крестьянству в годы неурожая и кризиса.

средствах принуждения и потому вынужденных учитывать ожидания и интересы крестьян, работающих на них.

Если следовать концепции Поланы, то раскрытие логики хозяйственных действий в рамках разных укладов следует начинать с определения дифференцирующих мотивов, значений и принципов социальных взаимодействий между разными группами хозяйствующих акторов.

На основе изучения изменений конкретных хозяйственных институтов (денег, торговли, рынка) Поланы предложил аналитическую модель изменения места экономики в жизни общества как переход от содержательных экономических взаимодействий к формальным, но при сохранении содержательных интеграционных форм во всех типах экономических систем, в том числе и рыночных. Он рассматривал социальные контексты функционирования хозяйственных институтов в разных исторических проявлениях, выделяя три основные формы интеграции хозяйственной деятельности людей: эквивалентность (реципрокность), перераспределение (редистрибуция) и обмен.

Эквивалентный (реципрокный) обмен ресурсами происходит между симметричными группами людей, объединённых узами семьи, рода, племени, общины. Целью такого обмена становится не личная выгода, а организация совместной деятельности, направленной на выживание в условиях голода и других экстремальных жизненных обстоятельств, к которым в современном контексте можно причислить экономический кризис и трудности, возникающие в трансформируемых обществах. В данном случае взаимообмен и взаимопомощь подкрепляются особыми ритуалами и церемониями дарений, обменом взаимными обязательствами и демонстрацией «выгодного великодушия». Эквивалентность в данном случае означает факт обмена, но не равную ценность обмениваемых благ.

Перераспределение как форма хозяйственной интеграции осуществляется в рамках существующего центра и групп, отвечающих за сбор, хранение и распоряжение (распределение) ресурсов. Основопологающим здесь является принцип центральности (централизации). Одаривание и перераспределение как механизмы выживания широко использовались первобытными обществами. В дальнейшем перераспределение служило целям

усиления политического влияния и стало основой для возникновения государственного устройства.

Интегральный принцип обменных отношений (в условиях рынка с фиксированными или свободными ценами) состоит не только в возмещении затрат на производство обмениваемых благ, но и в получении прибыли от их продажи (максимизации чистого дохода). Этот тип взаимодействий предполагает, что ради прибыли предприниматель может пожертвовать интересами своих наёмных работников (повысить норму эксплуатации, лишить работы и средств к существованию в случае неблагоприятной конъюнктуры), нанести ущерб экологии, отказаться от социально значимого, но низкодоходного бизнеса или же поднять цены на товары первой необходимости, снизив тем самым их доступность для массовых потребителей. Поланьи показал, что сознательно конструируемая чисто рыночная экономика продержалась не более одного поколения, а затем последовал этап её стихийного, а потом и осознанного регулирования со стороны государства. Наряду с развитием рыночной организации обмена реальными товарами стали возникать политические институты для ограничения свободного оборота «фиктивных» товаров – труда, земли и денег [Поланьи, 1993, с. 10–17]. Другая противоречивость рыночного устройства общества связана с тем, что, с одной стороны, рыночный принцип хозяйствования требует проявления таких «нерыночных» качеств, как доверие, честность, усердие, трудолюбие, ответственность, а с другой – рыночная среда разрушает такие основополагающие принципы предшествующей социально-экономической системы, как справедливость, мораль, право на выживание, способствует фрагментации общества и росту его нестабильности.

Формы интеграции, согласно теории Поланьи, конструируют «институциональную среду» (её можно рассматривать и как определенный уклад), позволяющую организовать процесс производства и передачи (перераспределения, присвоения, использования) материальных благ, задают основные принципы и чёткие правила обмена, лежащие в основе этих транзакций таким образом, чтобы они согласовывались с мотивами, ценностями, традициями и этикой поведения (социальным подтекстом) взаимодействующих сторон, их статусами и ролевыми ожиданиями. Тем

самым происходит «институциональное оформление хозяйственного процесса». Изменение институциональной среды влечёт за собой изменение устройства и содержания основных хозяйственных институтов.

В российских общественных науках ренессанс идей Поланьи пришёлся на конец 20 – начало 21 веков, когда были опубликованы на русском языке его основные работы и комментарии к ним, стали проводиться публичные обсуждения идей Поланьи¹, а его подходы были взяты на вооружение российскими учёными, исследующими соотношение и специфику рыночных способов координации и вне рыночных форм хозяйствования, в том числе неформальной экономики, «экономики дара» и сетевых взаимодействий [Барсукова, 2004].

В контексте данной работы идеи Поланьи послужили отправной точкой в исследовании механизмов интеграции и координации хозяйственных процессов в зависимости от интересов акторов и возможностей их доступа к ресурсам, существующих экономических и социально-культурных ограничений, для разных типов социального действия и организационных образований.

В определённом смысле наша задача лежит в плоскости предложенной Л. Тевено концепции конвенциональной координации, постулирующей множественность способов координации и упорядоченности мира [Тевено, 2002]. По мнению автора концепции, актор может одновременно находиться во множестве миров и в разных ситуациях полагаться на разные принципы координации своих действий с другими акторами. От того, смогут ли взаимодействующие акторы выбрать единый порядок (логику) обоснования ценности (гражданский, рыночный, индустриальный, домашний (патримониальный) порядки), будут зависеть возможности и способы достижения компромисса, вырабатываемые правила координации и согласования их действий, а также возможности преодоления конфликтов, в основе которых лежит разность мотивов и интересов участвующих сторон. Согласно Тевено, *рыночный тип координации* нацелен на быстрое извлечение дохода и прибыли и ориентируется, прежде всего, на кратко-

¹ В качестве примера можно назвать состоявшуюся на сайте ГУ-ВШЭ в октябре-ноябре 2004 г. Интернет-конференцию «60-летие выхода в свет «Великой трансформации» Карла Поланьи: уроки для России».

срочные рыночные колебания, отвергая персональные зависимости. Он конфликтует с ценностями *индустриального порядка*, придающего особую значимость инвестициям как фактору, предопределяющему стабильность и получение выгоды в будущем. *Домашний (патримониальный) порядок* обоснования ценности также «дорожит» временем и учитывает возникшие связи между прошлым и будущим, опыт и сложившиеся традиции; строится на доверии между «своими» и на безоговорочном авторитете главы хозяйства (патера, патрона), дающего защиту и опору. Использование данной схемы позволяет, по мнению Тевено, улавливать тонкие различия в качестве товаров и услуг: например, когда речь идёт о различиях качества продуктов, произведённых в домашних или индустриальных условиях с их разными требованиями к стандартизации.

Данная концепция важна для нашего исследования с точки зрения изучения практик взаимодействия представителей разных сельских укладов (разных сельских миров), их способности договариваться, учитывать интересы друг друга и согласовывать свои действия в зависимости от выбранной «ценностной платформы» – на базе рыночного, индустриального или домашне-общинного способов координации.

Среди представителей экономической школы, изучавших разнообразие хозяйственных форм и образований, построенных на различных организационных принципах, можно назвать имя известнейшего российского учёного, писателя и общественного деятеля А.В. Чаянова и других представителей «организационно-производственной» школы (А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников и др.), раскрывших особую природу трудового (т.е. не использующего наёмный труд) крестьянского хозяйства и разработавших теорию сельскохозяйственной кооперации. Чаянов поставил вопрос о возможности и характере сосуществования и симбиоза параллельных экономических систем во всемирной истории, развитие которых не сводится исключительно к движению в сторону капиталистического уклада.

Чаянову принадлежит более строгая с точки зрения экономической науки *теория хозяйственных систем*, в том числе некапиталистических, образующих единое мировое хозяйство: «Миллионы капиталистических, семейно-трудовых, общественных и

смешанных хозяйственных организмов, соединенных паутиной многочисленных частных взаимоотношений и некоторыми узлами публично-правовой регуляции, образуют собой так называемое мировое хозяйство» [Чаянов, 1989, с. 115]. Чаянов проанализировал сложившиеся в истории народного хозяйства основные хозяйственные системы, выделил для каждой из них совокупность экономических категорий хозяйственной деятельности и показал их соотношение между собой, а также основы взаимодействия сосуществующих, но противоположных по своей сути хозяйственных формирований. В основе различия этих систем лежат разные понятия о выгодности и рентабельности, которые в социологическом контексте можно интерпретировать как разные логики и рациональности хозяйственного действия, а также организационно закреплённые формы (институциональные образования), соответствующие оптимальным нормам концентрации производства в пространстве: «Каждая хозяйственная форма имеет, во-первых, свою конкретную *цель существования*, проявляющуюся в поисках *выгодности и рентабельности* данной формы хозяйства; во-вторых, понятие выгодности и рентабельности служит основой *хозяйственного равновесия* системы; в-третьих, на основе хозяйственного равновесия формируется *организационный план хозяйства* – развёрнутая модель его экономической деятельности» [Никулин, 2005а, с. 111].

Чаянов выделял шесть народно-хозяйственных систем: капитализм; семейное хозяйство (с разбивкой на товарное и натуральное); рабовладельческое хозяйство; оброчное хозяйство; феодальную систему – как симбиоз натурального трудового хозяйства крестьянина, выплачивающего дань феодалу, и товарного помещичьего хозяйства; коммунизм. Он соотнёс основные экономические категории, такие как «товарная цена», «зарплата», «авансированный капитал», «цена земли», «рента», «доход рантье», «производственный план», «неделимый продукт семейного труда», «технический прогресс», «неэкономические методы принуждения» с перечисленными системами и с помощью разных комбинаций для каждой системы (а мы можем сказать и «хозяйственно-уклада») определил специфику хозяйствования и целевой направленности в каждой из них, подчёркивая при этом системный характер связи между этими категориями.

Основами для конкуренции сосуществующих хозяйственных систем, по мнению Чаянова, служат общие «совпадающие» объективные экономические элементы. По его мнению, подобный контакт обычно происходит по поводу товарных и земельных рыночных цен: и крестьянское хозяйство, и капиталистическое предприятие могут выйти на рынок с одним и тем же товаром или конкурировать за одни и те же земельные участки. Однако представления о выгодности производства, а также аренды или выкупа земли будут для этих хозяйств существенно различаться. «Капиталистический» доход должен будет покрыть предпринимателю расходы на затраченные ресурсы, выплату зарплаты наёмным работникам и обслуживание заемного капитала, оставаясь при этом выше капитализированного дохода в случае банковского размещения инвестируемых в производство средств. В связи с этим «планка рентабельности» для предпринимателя будет выше, чем для крестьянского хозяйства, не учитывающего цену труда членов своей семьи, и принимающего, ввиду отсутствия иных альтернатив занятости, невыгодные с «рациональной точки зрения», но обеспечивающие выживание его семьи условия хозяйствования.

Заметим, что подобные сравнения действия разных факторов и мотивационной логики в рамках сосуществующих капиталистической и некапиталистических систем позволили Чаянову раскрыть особую *экономическую природу крестьянского хозяйства*, базирующегося на оптимизации «трудо-потребительского баланса» (т.е. согласования нужд семьи с учётом иждивенческой нагрузки с наличествующим у неё трудовым и имущественными ресурсами), и объяснить парадоксальные факты его функционирования. К таким фактам, например, относятся: отказ крестьянского хозяйства от использования прогрессивных технологий, сокращающих затраты труда; готовность платить высокую, не доступную для капиталистических предприятий, арендную плату за землю в голодные годы; увеличение производства трудоёмких культур (льна, картофеля); развитие отхожих промыслов в ущерб земледелию; сокращение интенсивности и годового рабочего времени (снижение «тягостности труда», т.е. той степени самоэксплуатации, с которой соглашались трудоспособные члены ради выживания и пропитания семьи) членов семьи в периоды бла-

гоприятной конъюнктуры вместо увеличения объёма хозяйственной работы [Чаянов, 1989].

На наш взгляд, справедливость и актуальность выводов Чаянова подтверждается российскими реалиями 1990-х годов, когда суммарные объёмы производства овощей и продукции животноводства в семейном секторе существенно превосходили показатели крупных, намного лучше технически оснащённых предприятий.

Согласно теории Чаянова, конкурентное преимущество каждой из рассматриваемой системы возможно лишь вследствие оптимизации концентрации производства и его организационной структуры в культурно-историческом контексте. Чаянов показал, что «в обрабатывающей промышленности, при определенных технических и социальных условиях, вне конкуренции оказывается капиталистическое хозяйство, но уже в сельском хозяйстве капиталистические отношения претерпевают существенные затруднения в развитии» [Никулин, 2005, с. 112]. Причина кроется, прежде всего, в том, что капиталистические принципы хозяйствования опираются на жёсткое исчисление рентабельности и уход субъектов из убыточных сфер деятельности, независимо от социальной значимости последних.

В этом выводе об относительном характере понятий «выгоды» и «рациональности поведения» в разных хозяйственных системах (укладах) можно увидеть совпадение взглядов Чаянова с представленными выше идеями Вебера и Поланьи о множественности мотивации и социальной укоренённости хозяйственного действия. Как отмечает Куракин, в трактовке Чаянова уклад как институциональное ограничение задает степень свободы хозяйствующего индивида, изменить которое он не в состоянии, так как само понятие «выгодности» обусловлено институциональной структурой уклада, его контекстом [Куракин, 2009, с. 52–53]: если нет рынка, то у производителя нет нужды выбирать, что производить для продажи; если у предпринимателя есть альтернатива – положить деньги в банк или инвестировать их в предприятие – то получаемый им доход должен не только превосходить затраты на производство и продажу товаров, но и быть выше, чем капитализированный банковский процент.

О необходимости принятия во внимание «эксполярных» форм хозяйства, структура которых принципиально отличается от структуры доминирующей системы, её общей динамики и логики, писал Т. Шанин [Шанин, 1999]. С его точки зрения, признание не вписывающихся в общий «мейнстрим» экономик (где на одном полюсе в качестве механизмов координации находится рынок, а на другом – план) маргинальными и обречёнными на отмирание в рамках эволюционной, модернизируемой и увеличивающей единообразие модели экономического развития, серьёзно обедняет картину мира и не позволяет видеть множество альтернативных экономических формирований, увеличивающих жизнеспособность общества и позволяющих удовлетворить интересы и возможности разных групп. Эксполярные формы, к которым Шанин относит и семейную экономику, специализированное малое производство, теневую и другие формы занятости, обладают автономностью, собственной логикой, динамикой и способностью влиять на внешнее окружение. Они редко ориентированы только на прибыль или выполнение государственных планов, они более социальные, т.е. подчинены нормам первичных коллективов и обществ, и слабо поддаются «растворению» в доминирующих экономических формах.

1.2. Определение, классификация и идентификация сельских хозяйственных укладов

Под *сельским хозяйственным укладом* нами понимаются *правила и нормы хозяйствования, конституирующие экономическое поведение различных акторов в соответствии с их доминирующими целями, спецификацией прав собственности на средства производства, используемой производственно-технологической моделью, системой трудовых отношений, способами взаимодействия с субъектами других укладов и сельских обществ*. Особенностью сельских хозяйственных укладов можно считать их обусловленность устоявшимся порядком и устройством «традиционной» сельской жизни, базирующейся на привязке к земле и к сельскохозяйственному труду, к доминирующим нор-

мам соседства и общежития¹. Сельские хозяйственные уклады характеризуют специфику занятости и режим труда разных групп сельского населения – и опосредованно их образ жизни и особенности взаимодействия, в том числе вне экономической сферы.

Для уточнения смысла приведённого определения сельского хозяйственного уклада остановимся на особенностях экономико-социологического подхода к изучению поведения индивидов. Экономическое поведение принято рассматривать через призму размещения дефицитных и имеющих альтернативное применение ресурсов с целью максимизации полезности. В качестве примера приведём определение В.И. Верховина, с точки зрения которого экономическое поведение – это система «социальных действий, которые, во-первых, связаны с использованием различных по функциям и по назначению экономических ценностей (ресурсов), и, во-вторых, ориентированы на получение пользы (выгоды, вознаграждения, прибыли) от их обращения» [Верховин, 1998, с. 65].

На наш взгляд, значительным потенциалом в изучении экономического поведения обладает подход М. Вебера, который, будучи приверженцем «методологического индивидуализма», рассматривал экономическое действие индивида как осуществление контроля над ограниченными ресурсами ненасильственными методами в целях удовлетворения своих потребностей. В. Радаев, опираясь на подход Вебера, сделал акцент на социальных основаниях экономического действия и указал на его внешние и внутренние регуляторы [Радаев, 2002, с. 3–14]. Он выдвинул и конкретизировал два постулата:

1) *экономическое действие индивидов не автономно, а укоренено в их социальных отношениях*: зависит от их связей и принадлежности к социальным структурам разного уровня; подчинено заданным сверху или выработанным самостоятельно правовым и другим «правилам игры»; учитывает сложившуюся в общ-

¹ Важным качеством социальных взаимодействий на селе можно считать способность его жителей к координации и совместным действиям в общих интересах. Именно эту способность многие исследователи рассматривают как важную составляющую такого понятия, как социальный капитал, «составными частями которого являются взаимное доверие, нормы поведения, учитывающие общественный интерес, а также общение, членство в самодетельных организациях и социальных сетях... Ценность различных составляющих социального капитала зависит от экономического, культурного и институционального контекста» [Полищук, Борисова, Пересецкий, 2010, с. 120].

ности структуру властных отношений и виды социального контроля; имеет нормативно-культурное регулирование, заставляющее индивидов следовать определённым нормам и конкретным образцам поведения, влияющее на их способы мышления и задающее направления интерпретации своих и чужих действий. Эти способы укоренённости могут меняться в исторической перспективе, зависеть от типа общества и сообществ, по-разному проявляться в разных конкретных ситуациях. В связи с этим степень свободы действий человека в рамках правил и привязанностей, которые задаются этими «укоренённостями», тоже ограничена;

2) *экономическое действие есть форма социального действия*, т.е. оно внутренне регулируется осознанными потребностями, мотивами и интересами индивидов, а также основывается на их ожидании от других людей определённой ответной реакции и адекватной оценки своих действий. При этом мотивы могут выходить за рамки сугубо экономических действий. Внутренние регуляторы также не свободны от разделяемых индивидом социальных норм и других видов явного и скрытого принуждения. Наличие у индивида ресурсов и их качество позволяет ему осуществлять мотивированное экономическое поведение при существующих внешних ограничениях (социальных, властных, культурных, институциональных укоренёностях).

На основе анализа приведённых выше концепций для построения классификации сельских хозяйственных укладов нами было выбрано два типобразующих признака – формы и доминирующие цели хозяйствования (табл. 1.1). В соответствии с представленными типобразующими признаками выделяются четыре типа сельских хозяйственных укладов: корпоративно-патерналистский, корпоративно-предпринимательский, семейно-потребительский и семейно-предпринимательский.

Таблица 1.1

• **Классификация сельских хозяйственных укладов**

Формы хозяйствования	Доминирующие цели хозяйствования	
	субстантивные	инструментальные
Корпоративные	Корпоративно-патерналистский уклад	Корпоративно-предпринимательский уклад
Индивидуально / семейные	Семейно-потребительский уклад	Семейно (индивидуально)-предпринимательский уклад

Признак «формы хозяйствования» подразумевает конкретные правила установления отношений собственности и правомочий внутри хозяйствующих единиц, правила привлечения и обмена ресурсами и информацией в рамках выбранной организационно-производственной структуры, модель трудовых отношений и способы стимулирования труда. В качестве признаков для выделения укладов нами рассматриваются две формы хозяйствования: корпоративная и индивидуально-семейная.

Корпоративный признак указывает на наличие совокупности лиц, объединившихся для достижения общих целей, осуществления совместной деятельности и, как правило, образующих самостоятельный субъект права – юридическое лицо. Семейная или индивидуальная экономическая деятельность может осуществляться без регистрации юридического статуса (например, «личное подсобное хозяйство» (ЛПХ)), а также официально признаваться в качестве субъекта предпринимательства без образования юридического лица.

Доминирующие цели хозяйствования в нашей классификации подразделяются на субстантивные и инструментальные. Субстантивные цели хозяйственной деятельности, не связанные с получением исключительно материальной выгоды, могут преследовать как семьи и отдельные индивиды, так и предприятия, отличающиеся «патерналистским» (покровительственным) отношением к своим работникам. Для таких предприятий характерно сращивание производственных и социальных функций, сохранение избыточной рабочей силы, участие в финансировании объектов жизнеобеспечения поселений. Инструментальный характер цели субъекта хозяйствования означает его стремление к максимизации прибыли через повышение доходов и сокращение издержек, в том числе на рабочую силу, бескомпромиссное использование конкурентных преимуществ ради упрочения положения на рынке.

Эти различия в целях определяют разную степень автономности существования, устойчивости укладов в рыночной среде. Например, для корпоративно-патерналистского уклада нужен дополнительный, предполагающий участие государства, механизм возмещения (перераспределения) затрат и возможность экономии затрат на рабочую силу. Это предполагает разные формы участия (поддержки) государства в деятельности хозяйств, относящихся

к разным укладам. Участие государства в деятельности предприятия, работающего в рамках корпоративно-патерналистского уклада, может проявляться в субсидировании текущих затрат (оборотных средств), а для корпоративно-предпринимательского – в субсидировании капитальных затрат (инвестиций).

При разработке институционального подхода к определению сельских хозяйственных укладов мы полагались на концепцию социального механизма общественных процессов, предложенную Т.И. Заславской [Заславская, 2004], а также на работы, относящиеся к проблематике институционального развития и влияния институтов на поведение и социальные практики индивидов (акторов).

Согласно Т.И. Заславской, двигательной регулирующей силой развёртывающихся общественных процессов на макроуровне становится не экономическое поведение отдельных индивидов, а взаимодействие разных социальных групп, различающихся своими интересами, ресурсной обеспеченностью, идеологическими и культурными представлениями, положением в обществе. Социальный механизм общественных процессов, включающих развитие или трансформацию экономики, представляет собой устойчивую систему взаимодействия социальных акторов разных типов и уровней, конечным результатом которых служит удовлетворение определённой общественной потребности. Функционирование социальных механизмов регулируется, с одной стороны, соответствующими общественными институтами, с другой – социальным статусом и культурными особенностями акторов, их интересами и возможностями.

Специалисты отмечают неоднозначность применения в социологических исследованиях понятия «социальный институт». Т.И. Заславская насчитала 4 трактовки, которые чаще других фигурируют в работах, из которых отметим следующее определение: социальный институт – это «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности» [Заславская, 2003, с. 40-44]. Это определение берёт начало в общепризнанной концепции институциональной эволюции Д. Норта [Норт, 1997], который определял институт как реальные правила игры и контроль за их соблюдением. Действующие субъекты (организации, «игроки») в целом вынуждены играть по установленным правилам или же вырабатывают собственные правила взаимодействия, обладая при этом опре-

делённой степени свободы, которая во многом зависит от строгости институционального контроля.

Каждый социальный институт, регулирующий конкретную область общественных отношений, состоит из четырёх элементов: а) формальных – правовых, административных и организационных – норм и правил, регламентируемых властными и управленческими органами; б) механизмов государственного и организационного контроля (легальные суды, комиссии, штрафы, санкции); в) неформальных норм и правил (понятий, обычаев и традиций), в том числе укоренённых в культуре общества в виде социокультурных норм и оценочных суждений, касающихся представлений о справедливости, этических и моральных принципов; г) механизмов социального (неформального) контроля за выполнением установленных норм и правил (общественное осуждение, силовое принуждение). Эффективность институциональной системы во многом определяется степенью соответствия/противоречивости формальных и неформальных норм и правил, а также действенностью механизмов контроля. Экономические институты способны ограничивать или же стимулировать тот или иной тип хозяйственного поведения предприятий, частных предпринимателей, домохозяйств, индивидов, могут запрещать или же, наоборот, поощрять уклонение от исполнения предписанных правовых норм, деформализуя при этом нормативный порядок. Речь идёт о неформальных способах ведения бизнеса, распространении «серых схем» в расчётах, уклонении от уплаты налогов, устных трудовых соглашениях, сетевых транзакциях и пр.

Формальные институты и механизмы их защиты устанавливаются и поддерживаются сознательно, чаще всего – силой государства. Неформальные институты складываются спонтанно, без чьего-либо сознательного замысла, как результат взаимодействия множества людей, преследующих собственные интересы. Со временем неформальные правила взаимодействия, обретая чётко выраженные «канонические» черты, могут подчинять себе всё большее количество акторов и принять форму «предписанных ритуалов», что свидетельствует о процессе их институционализации. Формальные правила допускают резкую одномоментную ломку, тогда как неформальные меняются лишь постепенно [Норт, 1997; Аузан, 2007; Полтерович, 2008].

Важно иметь в виду, что совокупность ценностных ориентаций, интересов и ресурсов (экономических, политических, административных, культурных и социальных) в определённых условиях и обстоятельствах определяет реальное поведение акторов в рамках существующих ограничений, стимулируя их не просто подчиняться или не подчиняться существующим правилам, но и действовать в направлении их изменения. В.А. Ядов, выражая идеи структурно-деятельностного подхода, указывал на то, что «сильноресурсные» социальные субъекты начинают формулировать и закреплять правила социальных взаимодействий, отвечающие их интересам, что позволяет им же расширять поле своего экономического и политического влияния и наращивать свой капитал [Ядов, 2006, с. 32–33]. Таким образом, трансформация социальных институтов происходит в процессе взаимодействия различных социальных сил, каждая из которых стремится навязать обществу свои правила игры либо же добивается разумного компромисса.

Если «институт» выражает содержание правил, то формой проявления и действий этих правил в реальной жизни являются повседневные «социальные практики» как системы массовых и повторяющихся социальных действий и взаимодействий акторов (индивидов, организаций, групп) [Шабанова, 2006]. Так, П. Бергер и Т. Лукман видели суть института в процессе превращения любых актов поведения в «сферу само собой разумеющихся рутинных действий» [Штейнберг, 2010, с. 40–50]. Институты глубже и устойчивее своих форм – конкретных практик. Институт не существует на базе одной практики, он всегда реализуется через комплекс практик, которые обеспечивают устойчивость связей и отношений в рамках социально организованного общества, формируют схемы и идеальные стандарты поведения. Накапливающиеся изменения в практиках могут приводить, а могут и не приводить к изменению старого или становлению нового института. Общественно значимый итог функционирования институтов проявляется в характере (качестве, эффективности) соответствующих социальных практик. Тем самым анализ социальных практик позволяет давать интегральную оценку правил игры и реального поведения игроков, которым эти правила адресованы, учитывая при этом, что игроки располагают не только свободой выбора поведения в рамках институциональных условий, но и возможно-

стью обратного воздействия на установленную систему ограничений, обхода или нарушения последней.

На важность субъективизации в восприятии институтов и институционального устройства указывал Дж. Серл. Он различал две группы правил – регулятивные и конститутивные, предполагая, что в первом случае действия агентов могут совершаться независимо от регулирования (водитель автомобиля гипотетически может ехать по собственному усмотрению, хотя существуют правила дорожного движения), но во втором случае без разработанных правил само действие совершаться не может (например, игра в шахматы) [Серл, 2007]. Серл описал механизмы того, как институты конституируют (конструируют) поведение людей. С одной стороны, институты не просто ограничивают их действия, но формируют новые виды отношений власти и влияния, «поскольку учреждают особый тип полномочий, например права, обязанности, обязательства, санкции, разрешения, доверенности, требования и удостоверения» [Там же, с. 15]. С другой стороны, институциональные структуры объективизируют субъективные желания, намерения, мотивы поведения. Тем самым у индивидов формируются «институциональные мотивы» – обязанности, обязательства или требования как не зависящие от их желания основания для действия [Там же, с. 16]. В этом отношении институт формируется как субъективный конструкт, так как признание определённых правил, заданных институтом, статусов и функций должно осуществляться индивидами, в чьём сознании и, соответственно, поведении данные правила игры легитимируются.

В связи с этим, следуя логике данного автора, исследование институтов и социальных практик, в которых они воплощены, требуется проводить с позиций качественной (понимающей) социологии: «институциональная онтология субъективна, её всегда следует изучать от первого лица. Институциональные факты существуют только с точки зрения их участников, и поэтому внешние функционалистские или бихевиористские методы для их анализа неадекватны. Следует самому мысленно вжиться в институт, чтобы понять его» [Там же, с. 27].

В.М. Широнин подчёркивает значение института как рамки для коллективного действия, контролирующего и обеспечивающего условия для индивидуального действия [Широнин, 2010]. С помощью института создаётся инфраструктура взаимодействий,

формирующая варианты индивидуального поведения людей применительно к той или иной сфере жизни. Таким образом, «институт существует только как потенциально возможное поведение», о существовании и содержании которого мы можем судить по различным и весьма разнообразным социальным практикам (или отдельным проявлениям индивидуального поведения), которые, тем не менее, объединяются определённой целостностью, схожими мотивами и способами взаимодействий индивидов.

Следует отметить многоуровневость институциональных образований.

На макроуровне формальные экономические институты задаются законами и нормативными актами федерального или регионального значения, которым обязаны следовать субъекты хозяйствования, независимо от их отраслевой или территориальной принадлежности. Речь идёт об основополагающих институтах собственности, предпринимательства, конкуренции, ценообразования и функционирования рынков, регулирования трудовых отношений, налогового и финансового регулирования и пр. Неформальные правила также могут действовать на макроуровне, если соответствующие нормы и традиции затрагивают большие группы населения и имеют в этом смысле общенациональный, межэтнический или мультикультурный характер. На микро- (локальном) уровне институты формируются в рамках отдельных организаций, предприятий, ассоциаций, поселений, домохозяйств как «писанные и неписанные» нормы поведения внутри этих формирований.

На мезоуровне мы имеем дело с «правилами игры», которые вырабатываются в сходных экономических, территориальных и социокультурных условиях как ответная реакция субъектов хозяйствования, располагающих определённым набором ресурсов и возможностей, на вызовы внешней среды (действующие институты макроуровня, текущая ситуация на рынках, используемые инструменты государственного регулирования). Эти правила формируются в процессе взаимодействия и конкуренции разных социальных групп, различающихся своими интересами и ценностными предпочтениями.

Сельские хозяйственные уклады, на наш взгляд, можно отнести к группе институтов как раз срединного уровня (мезоуровня). Они отражают специфическую моноотраслевую направленность

сельской экономики и заданные историческим прошлым и современными трансформационными процессами способы ведения хозяйства, связанные, прежде всего, с деколлективизацией аграрного сектора и либерализацией продовольственных рынков.

Институциональную среду для их функционирования задают сложившиеся институты собственности, в том числе на землю, институты финансовой и налоговой сферы, рынок труда, механизмы предпринимательства, конкуренции и сложившихся монополий, торговли и посредничества. К другим регуляторам макроуровня можно отнести сложившуюся конъюнктуру на мировых и отечественных продовольственных, а также на финансовых, энергетических и иных отраслевых рынках. Немаловажную роль в поддержке и развитии сельских хозяйственных укладов играет государственная политика федерального и регионального уровня. В частности, используемые меры государственного стимулирования и финансирования, способы регулирования продовольственных рынков, экспортных и импортных товарных потоков.

Уточняя институциональное определение укладов, приведённое выше, определим **сельские хозяйственные уклады** как *устойчивые совокупности хозяйственных практик, которые определяются доминирующими целями (субстантивного или формального характера) и организационными формами (корпоративными или семейно-индивидуальными) экономической деятельности субъектов, действующими правилами распределения базовых ресурсов (труд, земля, капитал) и сложившимися формами взаимодействия с сельскими сообществами.*

В соответствии с нашими представлениями уклады задают институциональную структуру мезоуровня и определяют правила поведения субъектов хозяйствования – акторов организаций, предприятий, домохозяйств – в локальных сельских сообществах. Особенности доминирующего типа экономического поведения субъектов хозяйственной деятельности в рамках разных укладов рассмотрены в табл. 1.2, где представлены их краткие характеристики. Содержательное наполнение элементов «разноукладных» доминирующих типов поведения как совокупности разнообразных практик, выделенных по разным основаниям, будет сделано в последующих главах.

Таблица 1.2

• **Дифференцирующие признаки сельских хозяйственных укладов**

Уклады как правила социального взаимодействия	Семейно-потребительский уклад	Семейно-предпринимательский уклад
<i>Доминирующие цели хозяйственной деятельности</i>	<i>Субстантивные:</i> выживание как безальтернативное производство собственной продукции, получение натурального дохода как компенсация недостающих доходов, производство экологически чистой продукции, самореализация, рекреация	<i>Инструментальные:</i> получение стабильного денежного дохода, в том числе с помощью трудового отходничества
<i>Права собственности на факторы производства (правила, нормы и механизмы доступа к ресурсам)</i>	Права собственности не специфицированы	Права собственности специфицированы, но ими обладают физические, но не юридические лица
<i>Производственная организационная модель (специализация, кооперирование, технологии)</i>	Многопрофильность (универсальность) производства, ручные или слабомеханизированные технологии, высокий уровень устойчивости производства при низком уровне его рентабельности	Неустойчивая производственная специализация. Автономность хозяйства. Механизированный труд. Обслуживание односельчан. Эксклюзивные продукты для горожан
<i>Модель трудовых отношений</i>	Отсутствие наёмного труда, высокая самоэксплуатация при отсутствии альтернатив занятости (балансовое соотношение между настоятельностью потребностей и "мерой тягостности труда")	Ограниченное использование наёмного труда, совмещение функций собственника и работника
<i>Механизмы взаимодействия с субъектами других укладов</i>	Неденежные способы привлечения ресурсов от представителей других укладов	Неформальное кооперирование с другими субъектами хозяйствования
<i>Принципы взаимодействия с сельским сообществом</i>	Получатели социальной поддержки и спонсорской помощи	Ограниченное спонсорство

Уклады как правила социального взаимодействия	Корпоративно-патерналистский уклад	Корпоративно-предпринимательский уклад
<i>Доминирующие цели хозяйственной деятельности</i>	<i>Субстантивные:</i> выживание предприятия, обеспечение автономности его существования, сохранение рабочих мест	<i>Инструментальные:</i> получение прибыли, завоевание рынка, повышение эффективности и продуктивности производства
<i>Права собственности на факторы производства</i>	Права собственности как юридического лица специфицированы, но носят номинальный, размытый характер	Права собственности специфицированы, юридические лица – реальные
<i>Производственно-организационная модель (специализация, кооперирование, технологии)</i>	Многопрофильность, высокий внутренний оборот ресурсов, собственники=работники, устаревшие технологические комплексы, субсидирование текущих затрат, дефицит инвестиций	Устойчивая производственная специализация, наёмные топ-менеджеры. Привлечение заёмных средств, субсидирование инвестиций, современные технологические комплексы
<i>Модель трудовых отношений</i>	Излишек наемной рабочей силы, невысокие требования к квалификации и исполнительности работников, низкая и слабо дифференцированная оплата труда, патернализм, лояльность через компромат	Оптимизация численности работников, высокие требования к квалификации и исполнительности, разные формы стимулирования труда, партнёрские отношения работодателя и наёмных работников
<i>Механизмы взаимодействия с субъектами других укладов</i>	Симбиоз (паразитический, паритетный) с семейно-потребительским/предпринимательским укладами: комбинация формальной и неформальной занятости, несанкционированный доступ к ресурсам предприятия	Паритетный симбиоз с семейно-потребительским укладом: нейтрализация или интеграция деятельности ЛПХ работников
<i>Принципы взаимодействия с сельским сообществом</i>	Традиционное участие в финансировании систем жизнеобеспечения и социальных проектов в селе, обеспечение источников выживания для большинства членов сельского сообщества	Спонсорское отношение к нуждам сельских сообществ («социальная ответственность бизнеса» и трёхстороннее партнёрство)

С одной стороны, внешние институты, экономическая ситуация и государственная политика создают общие (рамочные) условия для хозяйствования сельских производителей. С другой стороны, действия субъектов также структурируются специфическими правилами срединного порядка – укладами. Особенности территории и характеристики ключевых акторов (представителей субъектов хозяйствования, региональных властей и органов самоуправления, реализующих не только экономическую, но и корректирующую социальную политику) в значительной степени формируют вектор развития и степень устойчивости локальной хозяйственной системы в рыночной среде.

Эмпирическая идентификация сельских хозяйственных укладов осуществляется на уровне компактных сельских поселений, которые в этом случае рассматриваются как локальные хозяйственные системы, представляющие совокупность реальных и взаимосвязанных между собой субъектов хозяйствования. Каждый из этих субъектов обладает своими специфическими интересами, участвует в распределении и контроле над местными ресурсами, взаимодействует с локальным сообществом и в этом смысле укоренён в социальных отношениях.

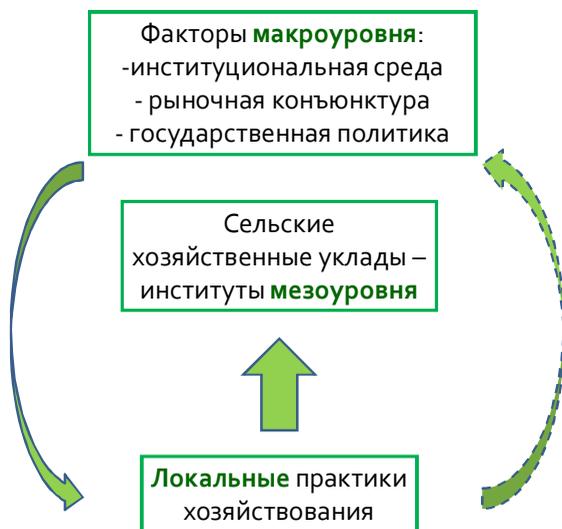

Рис. 1.1. Соотношение макро-, мезо- и локального уровней в исследовании сельских хозяйственных укладов

Логика «эмпирического конструирования» сельских хозяйственных укладов представлена на рис. 1.1.

Для классификации практик хозяйствования, относящихся к разным укладам, предлагается различать два уровня. На первом уровне рассматриваются индивидуальные практики и их носители – отдельные субъекты укладов. На втором уровне рассматриваются локальные хозяйственные системы, в рамках которых формируются обобщённые (типовые) практики хозяйствования и взаимодействия субъектов разных укладов. Хозяйственная деятельность может осуществляться в рамках корпоративных структур или отдельных семейных (индивидуальных) хозяйств, представители которых могут преследовать разные цели, связанные, например, с обеспечением условий для выживания семьи или отдельного предприятия в неблагоприятных экономических условиях или же увеличением доходности и эффективности бизнеса. Уклад может существовать в рамках отношений, в которые включены, с одной стороны, «хозяйствующие субъекты» (юридические лица и индивидуальные предприниматели – независимо от их организационно-правовых форм) и, с другой стороны, индивиды, выполняющие разные хозяйственные роли в рамках предприятий, организаций или самостоятельно. Репертуар хозяйственных ролей может включать следующие позиции – владельцы, менеджеры и работники сельскохозяйственных предприятий, относящиеся к разным организационно-правовым формам; главы и члены фермерских и семейных хозяйств; собственники, управляющие и работники несельскохозяйственных предприятий; индивидуальные предприниматели, ведущие хозяйственную деятельность на сельских территориях. При этом один и тот же субъект может играть разные роли в рамках разных укладов.

Локальная хозяйственная система рассматривается нами как проекция хозяйственных укладов на уровень локального сельского сообщества. Она проявляется в действующих моделях функционирования и взаимодействия субъектов хозяйствования на компактных сельских территориях. Во многом ресурсы развития и потенциал взаимодействия представителей разных хозяйственных укладов в локальных системах определяются базовыми характеристиками сельских территорий. В их числе мы выделяем экономико-географические и природно-климатические факторы,

производственно-экономические и поселенческо-демографические факторы, а также факторы социальной сплочённости населения, которые характеризуют качество социальных связей между жителями, имеющиеся у них навыки самоуправления и коллективного действия.

Процессы хозяйствования подразумевают организацию движения материальных ценностей и денежных потоков, контролируемую индивидами (актерами) на базе их «институциональных мотивов» и частных интересов, и согласуются с существующими ресурсными, технологическими и институциональными ограничениями. Речь идёт о способах установления прав собственности на средства производства и результат труда, о типах организации и управления производством и сбытом продукции, об уровне технико-технологической базы, о способах найма работников и стимулирования их труда, об инструментах осуществления воспроизводственных процессов. Понять логику и способы данных действий хозяйствующих субъектов можно с помощью анализа реализуемых ими практик привлечения и доступа к производственным ресурсам, использования этих ресурсов, конкурентной борьбы за базовые ресурсы, механизмов достижения компромиссов.

В качестве ресурсов, за которые соперничают и по поводу которых взаимодействуют агенты (представители) сельских хозяйственных укладов, можно назвать бюджетные инвестиции и субсидии; рабочую силу; землю (в первую очередь – сельскохозяйственного назначения); производственную инфраструктуру (техническое оборудование, подъездные пути, склады, мастерские); имеющиеся на сельских территориях природные богатства в виде лесов, лугов, водоёмов и других природных объектов, имеющих потенциал хозяйственного освоения. В советский период работающие в сельской местности предприятия (колхозы, совхозы) помимо хозяйственных функций брали на себя роль инвесторов и управляющих по содержанию и развитию социальной инфраструктуры поселений – дорожной сети, системы водоснабжения и отопления, жилищного фонда, объектов социально-культурного назначения (домов культуры, ведомственных торговых точек, детских садов и др.). Эта зависимость развития социальной сферы поселений от хозяйственной деятельности расположенных здесь

предприятий и характера проводимой ими политики поддержки территории частично сохраняется и в настоящее время.

Взаимодействия субъектов хозяйствования, относящихся к разным укладам, могут иметь компромиссный или конфликтный характер. В одной ситуации они способны гармонизировать мотивационные устремления и ожидания разных социальных сил, опираясь на нормы солидарности и коллективного действия внутри локальных сообществ. Второй тип ситуации возникает тогда, когда «сильные» хозяйствующие субъекты не готовы сотрудничать с более слабыми партнёрами, не готовы идти на уступки – и добиваются своих целей без учёта интересов своих конкурентов и сельских сообществ.

Обобщая, можно сказать, что для каждого сельского хозяйственного уклада характерны свои специфические «правила игры» и «целевая функция», которые в основном определяют поведение его агентов, связанных между собой не только производственными отношениями, но и узами родственных, дружеских и соседских связей, а также нормами и традициями проживания на одной территории, накопленным индивидуальным и коллективным опытом. В рамках одного уклада могут действовать акторы (агенты) с противоположными интересами и мотивациями. Например, собственник сельхозпредприятия и его наёмный работник. Первый заинтересован в увеличении доходности бизнеса, второй – в увеличении своего личного дохода, в том числе за счёт производства в своём семейном хозяйстве. Основанием для согласования / со-отнесения их действий могут быть разные «институциональные условия» хозяйствования. Например, возможно, что рост прибыли предприятия будет сочетаться с увеличением производительности труда и заработной платы наёмного работника, или же, к примеру, интерес собственника будет направлен на минимизацию текущих затрат, в том числе за счёт повышения эксплуатации наёмного труда, экономии на модернизации технической базы и т.д.

Следует отметить условные (открытые) границы между укладами локальной хозяйственной системы, позволяющие индивиду действовать в рамках разных укладов (например, одновременно являясь работником сельхозпредприятия, членом домохозяйства, ведущего личное хозяйство, и также неформальным

предпринимателем) в зависимости от актуальных потребностей и интересов. Его индивидуальная стратегия может быть основана как на поиске «оптимального» сочетания возможностей и ресурсов для достижения поставленных целей, так и на безальтернативной логике выживания. Немаловажным фактором встраивания одних и тех же субъектов в разные уклады является стремление извлечь выгоду из сосуществования последних.

Специфической особенностью сельских хозяйственных укладов является их укоренённость в локальных территориальных сообществах, в которых сельские жители объединены интенсивными и регулярными взаимоотношениями. Эта укоренённость во многом предопределяет взаимосвязи социальной и экономической сферы внутри поселений, специфические способы и логику хозяйствования, складывающиеся на данной территории социальные связи, элементы самоорганизации и самоуправления. Под *«локальными территориальными общностями»* принято понимать целостные и относительно самостоятельные совокупности объединяемых социальными связями людей, возникающие по поводу определённых условий жизнедеятельности на территории [Горяченко, 1999]. Н.Л. Мосиенко, представляя подробный анализ концепций локальной территориальной общности как элемента социально-территориальной структуры, говорит о ярко выраженном дискуссионном характере определения различных и в то же время синонимичных понятий, таких как «территориальная или локальная общность», «локальное или местное сообщество», «община», «комьюнити». По мнению автора, все эти понятия объединяет представление о механизмах самоорганизации, обеспечивающих общие интересы людей, проживающих на одной территории, а также возникающее на этой основе чувство принадлежности к этой особой (пространственной) социальной группе. Эта территориальная идентичность и служит, как считает Мосиенко, главным признаком наличия территориальной общности [Мосиенко, 2010, с. 59–65].

Новосибирская экономико-социологическая школа имеет давнюю традицию исследования сельских территориальных общностей, представляющих «исторически сложившийся относительно устойчивый и самостоятельный комплекс физико-географических условий, населения, экономики, культуры» [Ме-

жевич, 1975, с. 56]. Основными элементами территориальных общностей являются «территориальная группа населения и её жизненная среда», которая, в свою очередь, подразделяется на естественные ресурсы территории (природно-климатические условия, земля, вода, леса и др.) и искусственные условия жизнедеятельности населения – производственные и потребительские [Методология и методика..., 1980, с. 20].

Как уже отмечалось выше, особенностями советского периода развития аграрной территориальной структуры являлись монофункциональность и зависимость социального развития сельских поселений от экономики размещённых на их территории сельхозпредприятий. Подразделения одного сельхозпредприятия (колхоза или совхоза), как правило, располагались в нескольких населённых пунктах, чей статус определялся производственной иерархией по принципу «центр» (центральная усадьба) и «периферия» (отдельные бригады, фермы). До последнего времени преодолеть подобную монофункциональность и зависимость социальной инфраструктуры от деятельности экономических агентов не удалось, несмотря на передачу объектов инфраструктуры в ведение муниципальных органов самоуправления.

Ф. Тённис указывал на следующие составляющие человеческих отношений как социальных связанностей, которые образуют сплочённую социальную общность. Это «знакомость» в противовес «чуждости», возникающие на этой основе взаимные симпатии (как следствие проявление чувств или же «наличия общих или хотя бы близких интересов») и доверие – личностное или овеществлённое (доверие незнакомому человеку как профессионалу, оказывающему услугу). Различные формы связанности противоположны личным свободам, для людей они означают взаимную зависимость – «обязывание, долженствование, недозволение» – поступать исходя только из собственных представлений и желаний [Тённис, 1998, с. 207–229].

Среди факторов, способствующих взаимообусловленности сельских укладов хозяйствования и укладов сельской жизни, на наш взгляд, можно выделить следующие:

- преимущественное использование природных ресурсов как основы проживания и хозяйственной деятельности на селе. Именно в сельской местности прослеживается «непосредствен-

ная связь человека с природой, её жизненными ритмами и процессами», которые накладывают отпечаток на непостоянство режимов труда, сезонные изменения в его содержании [Методология и методика..., 1980, с. 21; Редфилд, 1992];

- взаимозависимость условий жизнедеятельности и социальных практик разных групп сельского населения. В селе можно наблюдать сильное воздействие событий/процессов в одной сфере жизни на другие сферы, которое возникает благодаря единству среды обитания и системы взаимодействия и кооперирования членов локальных сообществ по месту работы, жительства, повседневного ведения хозяйства, отдыха и досуга [Шанин, 1992];

- значимость семейно-родственных и соседских отношений, сила личных связей и человеческого общения; открытость и доступность повседневной жизни внешнему взгляду; укоренённая настроенность на достижение компромиссов, склонность к неформальным механизмам разрешения споров и посредничеству [Айрот, 1992; Виноградский, 2009, с. 227–282]. При этом не исключаются вражда и нежелание договариваться между сельчанами;

- общие (общинные) ресурсы и правила распоряжения ими и их использования. Дух общинности, проявляющийся в ценностях и моральных принципах жизни, накладывает отпечаток на отношения сельских жителей к природе и режиму пользования её богатствами, к возможности их приватизации [Громыко, 1991; Зырянов, 1991, с. 114–124; Кознова, 2000]. До сих пор в сельской местности сохраняются элементы института «обычного права» (например, закрепление «на словах» передаваемых из поколения в поколения покосных участков за сельскими домохозяйствами), ощущается обостренное чувство (стремление к) справедливости;

- деление на «своих» и «чужих» (пришлых), причём не только по факту рождения или длительности проживания в селе, но и по склонности к тому, чтобы «нажиться, используя народное добро» [Ястребинская, 2005, с. 29];

- жизнестойкость и жизнеспособность принципов моральной экономики, которые закреплены в «незыблемых» нормах взаимоподдержки, в том числе между конкурирующими структурами или враждующими группировками (солидарность интересов эксплуататоров и эксплуатируемых); в неотъемлемом праве на существование, выживание для всех членов общины. «Настроенность»

на добровольное перераспределение материальных благ и помощь по соседству «из чести» противостоит трудонаёмным, денежным отношениям [Современные концепции..., 1992].

Перечисленные особенности укладов сельской жизни, неразрывно связанные с хозяйственными укладами, имеют много общего с разрабатываемой в советской социологии категорией «*сельский образ жизни*» [Рывкина, 1979]. Это многостороннее понятие включает в себя специфические ценностные ориентации людей, их жизненные установки и стереотипы поведения, условия жизни, в том числе особенности проживания, социального контроля и партнёрства, взаимодействия с природой и пр. По мнению С. Киселёва, сельский образ жизни характеризуется тесными взаимоотношениями людей и их семей между собой в жизни и работе, отсутствием отчуждённости друг от друга, ценностью семьи и семейной жизни. Хозяйственная специфика жизни в селе проявляется в относительной автономности жизнеобеспечения сельских жителей, универсальности их умений (способности самостоятельно выполнять разнообразные работы), ориентацией на взаимопомощь, «естественные» знания основ развития растительного и животного мира [Киселёв, 2007].

Советская коллективизация 1930-х годов не смогла полностью уничтожить общинный дух российского крестьянства. Колхозы и совхозы, даже находясь в жёстких тисках партийного контроля и советского руководства, смогли взять на себя часть функций самоорганизации и самоуправления сельским сообществом. В современных «рыночных» условиях механизмы выживания «всем обществом» стали спонтанно воспроизводиться в разных местах, противопоставляя внедряемым ценностям индивидуализма принципы коллективного действия и «моральной экономики».

Таким образом, на наш взгляд, целесообразно рассматривать сельские хозяйственные уклады как социально-хозяйственные

¹ В основе данного коллективного действия лежат общность крови, места и духа, на которые указывал Ф. Тённис: «Всеобщий характер соседства присущ совместной жизни в деревне, где близость жилищ, общий сельскохозяйственный рынок, да и просто общие границы угодий способствуют многочисленным контактам между людьми, их привычке и близкому знакомству друг с другом, делают необходимым совместный труд, поддержание порядка и управление, заставляют вымаливать пощады и милости у богов и духов земли и воды, приносящих отраду и грозящих бедствиями» [Тённис, 2002, с. 26–27].

конструкции, исходя из того, что лежащие в их основе хозяйственные и социальные связи образуют целостность, понимание которой критически важно с точки зрения практического выделения этих укладов в конкретных сельских сообществах.

1.3. Обоснование применения качественного подхода к исследованию сельской многоукладности

Изучение сельских хозяйственных укладов было предпринято нами через исследование совокупности практик хозяйствования субъектов, принадлежащих к разным укладам. Практики хозяйствования рассматриваются нами как частный случай «социальных практик».

Под «*социальными практиками*» принято понимать системы устойчивых и массовых социальных действий и взаимодействий. Данное взаимосвязанное и взаимно ориентированное ролевое поведение акторов (индивидов, организаций, групп) обеспечивает, как мы уже говорили выше, функционирование соответствующих институтов. В соответствии с данным пониманием каждому из выделенных укладов следует сопоставить специфические социальные практики, отражающие особенности сложившейся структуры собственности на факторы производства, производственно-организационной и трудовой модели, а также принципы и механизмы взаимодействия с другими укладами и сельским сообществом.

Действия, которые бы можно было обозначить как «социальная практика», должны соотноситься с правилами, выступающими и как схема поведения, и как универсальная черта любого действия, обеспечивающая его единообразное осуществление и понимание разными индивидами. Другими словами, практики – это повторяющиеся действия и отношения между субъектами, осуществляемые по определённым устойчивым нормам и правилам. Важная функция практик состоит в том, чтобы, становясь повседневными (и потому неререфлексируемыми), они предопределяли и упорядочивали действия индивида в тех или иных ситуациях. Этот феноменологический взгляд на «рутинизирующую» повседневную реальность был представлен в работах А. Шюца: «Рутинная деятельность – это множество работ, привычно выпол-

няемых почти автоматически в соответствии с предписаниями, которые были выучены и успешно практиковались до сих пор» [Шюц, 2004, с. 347].

В. Волков акцентирует внимание на том, что «практики конституируют и воспроизводят идентичности и «раскрывают» основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории. В этом смысле они понимаются как различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности (практического искусства), которые в то же время раскрывают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве» [Волков, 2008, с. 22]. В то же время повседневные практики рассматриваются исследователями и как искусство решения акторами (индивидами) практических задач в ситуации неопределённости [Там же, с. 15]. Таким образом, индивид, действующий в рамках определённого уклада, обладает определённой свободой действий и волен поступать сообразно сложившимся обстоятельствам, отрицая свой предшествующий опыт, полагаясь на интуицию, имеющиеся ресурсы и связи.

Исследование повседневных практик – это «отстраненное» изучение неявных правил или коллективных норм, которые затем подвергаются интерпретации. Тем самым исследователь стремится по-новому оценить, понять, проникнуть в логику и суть открывшейся для него реальности. В связи с этим одним из самых эффективных методов исследования и объяснения практик выступает детальное этнографическое описание без опоры на теоретические или идеологические категории. Исследование повседневных практик – это изучение типичных, рутинных и поэтому часто не замечаемых действий, составляющих основу социальной жизни [Волков, 1997, с. 9–23]. Как правило, объяснение в рамках теории практик не нацелено на выделение инструментальных или ценностных причин действия. Ставить практики на место причины в объяснительных моделях невозможно [Волков, Хархордин, 2008, с. 31–33].

Важное значение понятие «социальных практик» приобрело в концепции габитуса П. Бурдьё, теории полей Н. Флигстина, концепциях локальных знаний и практик М. де Серто и Дж. Скотта, а также в теории структуризации Э. Гидденса.

На наш взгляд, П. Бурдьё дал теоретическое описание многоукладной реальности в рамках множественности моделей пове-

дения. Представители общности, находящиеся в сходных условиях, имеют схожий габитус¹ и, следовательно, схожие практики повседневной жизни. Габитус задаёт границы деятельности человека в смысле его возможностей и желания, является продуктом социальной структуры. Как пишет Н.А. Шматко, одной из основных функций габитуса является указание на единство стиля, который объединяет практики и блага какого-либо единичного агента или класса агентов. Габитусы можно понимать как некий «постоянный поток производства социального действия», они сами воспроизводят структуры, правила и ресурсы, и в то же время производятся и воспроизводятся социальными акторами в их действиях [Шматко, 1998, с. 176]. Ресурсные возможности социальных акторов (агентов) определяются совокупностью их позиций в социальном пространстве. Каждая позиция, согласно теории полей, оценивается объёмами накопленных у актора капиталов. Речь идёт об экономическом, культурном, социальном и символическом капиталах и их комбинациях (композициях). Капитал (власть над полем) наделяет актора способностью извлекать выгоду (получать дивиденды) от структуры социальных отношений, возникающую в результате занимаемой им позиции в социальном пространстве. А. Куракин сделал предположение о релевантности использования концепции Бурдьё для анализа многоукладности: «если придерживаться концепции Бурдьё, то отдельный уклад можно выделить по способу организации социального пространства, т.е. по особенностям распределения капиталов и борьбе за обладание этими капиталами, а также по коллективному габитусу, присущему людям данного уклада» [Куракин, 2003, с. 84–85].

Несколько иной смысл в понятие «поле» вкладывает Н. Флигстин, понимая под полями «институционализованные арены взаимодействия, на которых акторы с различными организационными возможностями выстраивают своё поведение по отношению друг к другу» [Флигстин, 2002, с. 140]. Поле образует локальный порядок, задавая правила этих взаимодействий. Для

¹ По определению П. Бурдьё, «габитусы – это системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, то есть как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели» [Бурдьё, 2001, с. 102].

Флигстина важна связь между правилами взаимодействия и результирующим распределением ресурсов, которое зависит «от умелой работы акторов, использующих свою социальную власть и способность к приобретению знаний, чтобы направлять действия в свою пользу и против других» [Там же, с. 143]. Согласно Флигстину, поля подразумевают властные отношения, обеспечивая более выгодное положение для доминирующих игроков. Такое понимание весьма полезно для анализа арены взаимодействия представителей разных сельских хозяйственных укладов в борьбе за доступ к базовым ресурсам, используемых ими для этого властных (административных) полномочий и особых навыков соперничества, которые можно умело конвертировать в преимущества и за счёт этого одерживать верх над конкурентами.

Созвучны идеям Флигстина взгляды М. де Серто¹, разделяющего понятия «стратегий» и «тактик» в зависимости от того, кто их реализует. По мнению Серто, стратегии осуществляют только «сильные» группы, наделённые властными полномочиями и реальными экономическими возможностями. Тактики – это удел «слабых» групп, являющихся объектом господства или эксплуатации. Но «оружием слабых»² можно считать практические знания и умения этих групп, с помощью которых они способны оказывать тихое, зачастую невидимое сопротивление, не подчиняясь «писаным законам» или организованным воздействиям власть имущих. Именно данные тактики Серто рассматривает в качестве неорганизованных локальных практик, под которыми «понимаются искусства делания, реализация некоторого «народного» ума в повседневных действиях, творческий элемент которых состоит в комбинировании и сочетании, имитации и пространственном маневрировании для того, чтобы «украсть» и присвоить часть утраченных прав или свобод» [Волков, Хархордин, 2008, с. 197].

¹ Обзор основных положений работы М. де Серто «Практики повседневной жизни» представлен в кн. [Волков, Хархордин, 2008, с. 194–202].

² Термин «оружие слабых» принадлежит Дж. Скотту, представившему широкую палитру форм и методов повседневного сопротивления крестьянства как особой классовой борьбы, противоположной массовым коллективным выступлениям. Арсенал «оружия слабых» состоит из саботажа, избегания, мелких краж, притворной забывчивости и других малозаметных, но весьма эффективных методов конфронтации [Скотт, 1992b].

Эти идеи локального знания и действий были развиты Дж. Скоттом в рамках теории «социального порядка и взаимозависимости без иерархии». Скотт ввёл в научный оборот понятие «metis»¹, определяя его как сочетание «практического, активного знания обычных людей о том, как функционирует общество и естественная среда, с их способностью сопротивляться тем проектам, которые представляют угрозу для общества или природы» [Скотт, 2005, с. 93]. В книге «Благими намерениями государства» Скотт анализирует конкретные случаи бедствий, связанные с попытками воплощения в жизнь от лица государства проектов высокого модернизма, базирующихся на упрощённом, утилитарном понимании реальности и желании реформаторов быстро изменить её во имя прогресса. Речь идёт о многочисленных попытках в разных концах света «приручить» природу, базируясь на научном подходе к делу; построить города будущего без учёта закономерностей городской жизни; по лекалам высоких теорий осуществить социальную революцию и авторитарными методами, не приемлющими возражений и отступлений, провести коллективизацию (или же приватизацию, как в наши дни) во имя создания эффективного индустриального сельского хозяйства [Скотт, 2005]. Проблема лишь в том, что при воплощении самых смелых идей в жизнь мало кого из бюрократов интересует устройство жизни «снизу» – так, как эта жизнь предстает в реальных социальных практиках и практических знаниях. Но именно в них могут быть заложены иные, не стандартизированные рецепты изменений, учитывающие интересы и реальное положение тех, кого эти изменения могут коснуться напрямую. В этом смысле сельское (локальное) сообщество является наиболее подходящим примером апробации и оценки результатов проведённых в постсоветской России рыночных реформ с точки зрения соответствия произошедших трансформаций изначальным замыслам и поставленным задачам, скорости и этапам их реализации, представлениям сельского населения о том, что и как должно меняться в укладах их жизни.

Важный аспект определения «локала» и «локальности» содержится в теории структуризации Э. Гидденса, который особое внимание уделял исследованию отношений между пространством

¹ В переводе с древнегреческого языка «metis» – это смекалка, знание, которое можно получить из практического опыта.

и временем, наделяющих разные сообщества в своём развитии свойствами дистанцироваться (растягиваться) и сжиматься относительно друг друга¹. Согласно его теории, «предметом социальных наук является не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социетальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени» [Гидденс, 2005, с. 40]. В локальных социальных системах, которые имеют физические (пространственные) границы и исторический (временной) контекст, через анализ повторяющихся ситуативных действий индивидов исследователь может обнаружить структуру, которая регулярно воспроизводит «наборы» правил и ресурсов, существует вне времени и пространства, проявляется в памяти индивидов в виде «отпечатков» социальных практик и «отличается отсутствием субъекта» [Там же, с. 69]. По аналогии с этим представлением о соотношении системы и структуры, можно сказать, что введённое нами понятие «локальной хозяйственной системы» есть поле для совершения множества действий и взаимоотношений представителей хозяйствующих субъектов и членов сельских сообществ по выделенным нами поводам, из которых аналитическим путём мы можем вычленить хозяйственный уклад как структуру (наборы правил и ресурсов), не привязанную напрямую к конкретным поселениям, регионам, временным перспективам.

В данном исследовании мы используем индуктивную («восходящую») стратегию получения знаний, означающую, что модели, темы и категории анализа вытекают из данных, а не накладываются на них ещё до сбора и анализа, как это происходит в рамках гипотетико-дедуктивной логики («нисходящей стратегии» количественного социологического исследования) [Готлиб, 2004, с. 37].

Для изучения социальных практик требуется применение особых методических приемов из арсенала методов «качественной социологии», к которым относятся этнографические (антро-

¹ Гидденс показал, что эпоха глобализма позволила изменить масштаб пространственно-временного дистанцирования между территориальными общностями (поселениями, регионами, странами). С помощью новейших средств коммуникаций взаимодействия между ними всё больше расширяются в пространстве и сжимаются во времени, ослабляются препоны для перетока капиталов, человеческих и других ресурсов. Это приводит к появлению новых межрегиональных неравенств и сжатию ареалов хозяйственного развития.

пологические) исследования, наблюдения, методология «кейс-стади», анализ текстов и биографий [Штейнберг, Шанин, Ковалёв, А. Левинсон, 2009; Семёнова, 2001; Троцук, 2007]. По определению А. Готлиб, методология качественного социологического исследования ориентирована на респондента и в немалой степени полагается на точное воспроизведение ситуаций его социальных практик с вычленением его (респондента) объяснительных конструкций мотивов и, возможно, рефлексий относительно логики поступков: «социальные явления и процессы изучаются прежде всего с точки зрения действующего индивида как начала любой социальности, интерпретирующего мир вместе с другими людьми, действующего в нём в соответствии со своими интерпретациями» [Готлиб, 2004, с. 49]. Задача исследователя – «погрузиться» в мир личностных смыслов изучаемых людей, понять ... их объяснения происходящего, чтобы потом в большинстве случаев конструировать комментарии или мини-концепции, призванные «вобрать» в себя этот субъективный опыт» [Там же, с. 50].

Однако подобное погружение неизменно рождает проблему объективности полученных результатов. Преодолеть подобные ограничения качественного исследования помогают специальные способы совмещения (триангуляции) разных источников, методов получения и анализа информации. В данном случае мы базируемся на методологии «двойной рефлексивности», которую как методико-методологический продукт российско-британских проектов исследований советского и российского крестьянства описал Т. Шанин [Шанин, 2002а; Шанин, 2002б]. Именно в рамках двух крупных международных проектов «Социальная структура советского села» (1991–1995 гг.) и «Реальная экономика и реальная политика российских деревень (1996–1997 гг.)» [Фадеева, 1997] началось наше исследование сельских хозяйственных укладов и были зафиксированы признаки их трансформации. Суть «двойной рефлексивности» состоит в совмещении наблюдений и интерпретаций исследователя, в том числе на основе количественных методов, с интерпретациями наблюдаемых им людей (респондентов) – т.е. с предлагаемыми ими объяснениями происшедших событий и мотивов совершенных ими действий. В этом случае респондент превращается в партнёра-исследователя – и никому в этой паре не принадлежит монополия коммуникации. Мнения и

суждения респондента, образующие некий смысловой конструкт, не менее важны для исследователя, чем его собственная «картина мира». Такой подход (или, как его назвал Шанин, интерактивная стратегия полевой работы) позволяет опираться на самые широкие информационные массивы и дополнять их друг другом – этнографическое описание или сбор данных по методу «кейс-стади» (рассмотрение случая) совмещать с анализом данных местной статистики; массив статистических данных федеральных и региональных органов дополнять выборочными исследованиями бюджетов домохозяйств, оснащёнными качественными комментариями их членов; интерпретировать результаты опросов сельского населения выдержками из глубинных интервью с представителями разных групп сельских сообществ.

Однако такая многомерная стратегия исследования не может претендовать на абсолютную надёжность полученных результатов. Частично эти проблемы решаются с помощью тщательного отбора объектов исследования, специальных методов построения выборки, разработки «самонацеленных» (т.е. направленных на интервьюера, а не на исследуемых) вопросников, а также на основе формирования доверительного (дружеского) отношения между респондентом и исследователем, обсуждениями и взаимопроверками полученных результатов в ходе общих встреч – «длинных столов» – исследователей из разных мест, но работающих в одной команде, и экспертного сообщества [Шанин, 2002b, с. 81–89].

В связи с возросшим в значительной степени интересом социологов всего мира к событиям повседневной жизни людей, их переживаниям и личным свидетельствам П. Штомпка обращает внимание на новый парадигмальный сдвиг, новый угол зрения, новую перспективу в современной социологии. Он делает предположение о начавшемся переходе от первой социологии целостных организмов и систем и второй социологии поведения и действия «социальных атомов» к третьей социологии – социологии социальной экзистенции (социального существования), в которой акцент ставится на изучение типичного опыта людей, их повседневной жизни среди других людей, протекающей во взаимодействии, соперничестве, конфликте, одиночестве. Как заявляет Штомпка, «Идея социальной экзистенции сфокусирована на ре-

ально происходящее в обществе людей, на уровне между структурами и действиями, где ограничения структур и динамика действий производят реальные, проживаемые и наблюдаемые социальные события, социально-индивидуальные практики, составляющие повседневную жизнь» [Штомпка, 2009, с. 4–5]. Автор считает, что люди, особым образом наделённые ресурсами, действуют в рамках ограничений или стимулов, которые были сформированы в рамках практик их предшественников, однако своими повседневными действиями они способны также преобразовывать окружающий их мир, приводить в действие «процесс социального становления». Это положение созвучно идеям структурно-деятельностного подхода, о котором мы уже говорили выше.

Данные высказывания релевантны развиваемому нами подходу к определению хозяйственных укладов. Именно уклады в данном контексте выступают в качестве свода правил, в рамках которых осуществляются действия и взаимодействия (социальные практики) хозяйствующих субъектов по поводу привлечения и использования факторов производства, ведения экономической деятельности, соблюдения трудовых прав и прав собственников, поддержки социальной сферы села и осуществления благотворительных проектов. Вычленение специфических признаков выделенных нами укладов (корпоративно-патерналистского, корпоративно-предпринимательского, семейно-потребительского и семейно-предпринимательского) будет происходить на основе анализа реальных практик сельских жителей, охватывающих способы получения работы и отношения работника с работодателем на разных типах предприятий, способы стимулирования труда и модернизации технической базы, мотивы занятости и самозанятости (предпринимательства) разных категорий жителей села, способы ведения семейного хозяйства и привлечения ресурсов, механизмы согласования интересов землевладельцев и землепользователей, методы конкурентной борьбы за землю, формы самоорганизации сельских сообществ и социальной ответственности сельского бизнеса.